

со множествомъ подробностей о современныхъ отношеніяхъ; впервые изучена обстоятельно дѣятельность Новикова, и по ея поводу изслѣдована исторія русскихъ масонскихъ ложъ, мистическихъ сектъ и направленій конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія; всплыла послѣ многихъ десятковъ лѣтъ молчанія, исторія Радищева и его книги (хотя самая книга все еще не могла получить права гражданства); наконецъ, выяснился характеръ собственной литературной дѣятельности импер. Екатерины II,—и въ результатѣ всего этого судьба русскаго просвѣщенія въ прошломъ столѣтіи явилась въ новыхъ чертахъ, не со всѣмъ отвѣчавшихъ старому панегирическому представленію...

Повторяемъ, что историческія работы по XVIII-му вѣку могутъ назваться еще только начатыми; изданный матеріалъ далеко недостаточенъ для полной исторіи; литературныя условія все еще не даютъ мѣста вполнѣ свободной исторической критикѣ—какъ вообще относительно всего новѣйшаго историческаго періода,—тѣмъ не менѣе, существующій матеріалъ даетъ возможность нѣкоторыхъ общихъ заключеній.

Исторія XVIII вѣка убѣждаетъ въ необходимости произведенной реформы для государства и общества, и скорѣе въ скудости, чѣмъ въ излишествѣ принесенныхъ его новыхъ образовательныхъ средствъ и понятій.—Нынѣшніе «самобытники», враги Петровской реформы, любятъ ссылаться на внѣшнее могущество русскаго государства,—но очевидно, что уже одно распространеніе территории, совершенное съ XVIII-го вѣка, могло быть достигнуто только путемъ лучшей организациі государственныхъ силъ послѣ реформы, что оно никакъ не могло быть приобрѣтено тѣми средневѣковыми средствами, какія употребляла старая московская Россія. Для одного самостоятельнаго устройства военной силы требовался иной запасъ знаній, иной способъ образованія. «Самобытники» не отрицаются отъ завоеваній временъ Петра и Екатерины, отъ славы военныхъ подвиговъ, отъ Румяновыхъ и Суворовыхъ, отъ славы писателей и поэтовъ, отъ Ломоносова, Державина, Новикова: но что же были эти дѣятели, какъ не продолжатели и примѣнители дѣлъ и идей реформы? Позабывшись, «самобытники» начинаютъ иногда упрекать нынѣшня поколѣнія примѣрами изъ XVIII-го вѣка, но вѣдь это и былъ «петербургскій періодъ»?

Затѣмъ, изучая въ XVIII-мъ вѣкѣ дальнѣйшую судьбу реформы, ея развитіе или ея застой и извращеніе, мы убѣждаемся снова, что она не была вовсе такимъ «переворотомъ», такимъ «разрывомъ» съ истинно національными началами, какъ ста-